

Бывало, в детстве в в улан залезу,  
где сладко пахнет редькою в мешку  
и в сундушке, окованном железом,  
Работный ящик бабушки найду.

~~В нем был мешочек~~  
запах нафталика

и множество зиковинных вещей:  
Старинный бсер из хвоста павлика,  
~~Две сошки~~  
пиджовку и свитер синю.

Что ты попала, всё бывало, тогдашн

~~и шкатулку берестяную ручка~~

~~и рюмочки кто-то купил в затонный магазин,~~

~~и кепочку поговорила в сапогах~~

Я там нашел пластинку граммофона,  
что, видно, модной исколде была  
и крестик кипарисовый с афона,  
что, верно, привезла привезла.

Я там нашел кавказский пояс узкий,  
Кольцо, бумаги кошачьей гребль,  
Письмала, кашемирное по французски,  
Которое я не сумел продать.

И в улану нашел за ними следом  
Колоду бархатных Рейзерских карш,  
наверное, ошобранных у гуса:  
Его губили чуждостью и агарот.

Я там нашел ичигиницу, замшевый валик,  
на нем ичигиница врезан шевроль.

Судьба превратна: все снится в франше,  
там ~~там~~ <sup>иногда</sup> ~~иногда~~ <sup>вспоминаю</sup>  
Кольцо в замшевой кашемирной - для кисти,

Таблетки для кисти через спину,  
Ичигиница в зубах, зель в сапогах  
Полоски на ступе ногной.

Все валики в бисерной шевроль,  
Трехгор старинных кашемирных шевроль,  
Кепочка из из старого корабля,  
Пиджовка сдвигая колготы.

Пиджовка ичигиница френчской старик,  
как пель френчской, как сдвигая колготы,  
и ичигиница ичигиница старик

это колготы, и беленное шевроль,  
когда он шевроль зель в улане шевроль?  
но из то кепочка - об рюмке шевроль рюмке  
во старинный чашечку шевроль шевроль  
и в сундуке шевроль шевроль шевроль  
и в шевроль на шевроль шевроль  
Пиджовка шевроль - и об шевроль шевроль  
шевроль шевроль шевроль шевроль шевроль!

Во валики шевроль шевроль  
Во валики шевроль шевроль шевроль  
Кепочка шевроль шевроль шевроль  
и шевроль шевроль шевроль шевроль  
Пиджовка шевроль шевроль шевроль

Москва.

Милый Райсон!

Уже очень давно я получил твоё письмо и всё не мог собраться отве-  
 тить тебе. Ты спросишь - почему? Пустяки писать не хотелось, а  
 для серьёзного разговора письмо не совсем подходящая форма. Наконец,  
 ты пишешь мне и прощаемся уже молчаливо. Я, как и ты ждешь,  
 в последний раз на фронте, сейчас стою собираюсь идти и не быть  
 в строю они не укладываются, там как минимум серьёзно и много  
 трагично. Казалось говорил с тобой о своей кнжице, раньше пытаюсь  
 написать, т.к. вы довольно раздраженно кричали мне и ругались,  
 что пригласил её к себе на дачу. Тогда - вы сказали мне, что  
 мелкой из этих пригласил ~~я~~ ~~отсутствует~~ в книге  
 "победных" стихов. Ты же вот, это - не отсутствует "победных"  
 стихов и мне хочется передать тебе эти стихи. Я думаю  
 тебе, что мирная - это для меня сердце, а я - мирный человек и  
 сам не чужд. У меня много новых стихов, милый Райсон,  
 но прислать их тебе трудно - надо переписать, а я сейчас  
 на фронте. Я беру, чтобы ты, чтобы ты и тогда  
 чтобы ты? Значит много. Сейчас я пишу переписать тебе  
 новые стихи: "Заря в зимнюю стужу", "Звезда", "Песня о  
 зимних лесах". Ты говоришь без комментариев: среди этих стихов  
 есть маленькие шедевры. Я люблю твои стихи и поэтому  
 и сейчас, мысли и чувства, что, что, не надо в том-то  
 поэзии. Я понимаю что побуждало меня написать то  
 или другое стихотворение, воспринимать мир у нас, сейчас  
 но, сходное - и поэтому невольно из переломов своих стихов  
 вышло у меня много. Ты просишь меня в твоём письме  
 прислать мою книжечку для твоей знакомой "военной женщины",  
 которая любила Пушкина и Чацкого. Дорогой мой! Где-то,  
 но сейчас у меня нет возможности отдать твою книжечку, но эта  
 которая женщина не даёт её дать мне. Кроме того: эту мою  
 стихотворную книжечку писала судьба еще более поспешно, чем  
 твою. Ее не переделали, - её обрезали, испортили, испортили  
 из неё много хороших стихотворений и вставили много плохих,  
 старых, старых. Она была в таком виде, что её нельзя  
 считать ни чем иным, чем убийством. В ней сохранилось не  
 больше 5-6 стихотворений, которые стоят это расхола-  
 жения. "Русские - не стихи" мои - не были. В "Свет-  
 скол" Ткачеве их переделали. Поэтому, несмотря на то,  
 что я приваки всё даю тебе для женщины, мне более - военных -  
 я не могу написать книжечку. С тобой - ли еще Ткачеве -  
 фер? Ты передай ему мой сердечный привет, как и матери -  
 не, чтобы я писал свои стихи. Ты же мне, дорогой. Ты же  
 пока не мой возможный адрес т.к. Смоленск, конечно,  
 звук не так я еще расстанусь с тобой здесь. После того я  
 уже в газету и тогда сообщу тебе о своём месте  
 и тогда. Ты же твою хорошую переписку пишу,  
 и тогда передаю, передаю, передаю.

Твой друг Райсон

030521-0105

Шведской маде капитан из остро-  
вого добродетель. Шерстка золота  
Едва темнеет, к берегам Китая  
В шотландский штат идет английский бриг.  
В открытом море широки волны шумят,  
Воды некая неслететь устала.

Хранить покой посылает Квартель  
Павлет в шанхай Колониальный полк.  
Создать в широте. А некая пошла  
В плетеном кресле - дальний день на юге  
Она бледна, она в своей каюте

Взвезд эфир случайно пролила.  
Она зрывает портярочный кампан,  
Потом зевает, но скрывает скуку.

Но даф все померенные руки  
В перчатке сиреня рожки капитан.  
Слегка ищет в себе вобрать сущь,  
Стареловек, но годовой и прилеп,  
Он ищет делает рожок: За коромыс  
Пальцы дельфины и павлины аквал.  
Уч, учуть павлины. Влеп вапине - ружья  
Девень пошла, все амурийский зонтик  
И медленно ползет на горизонт  
Ковая ружья следы на тучах.

~~Но в ружьях следы на тучах~~  
Массой черникою  
Легла вода. Ангелии сиреня цирюль  
К зеленой массе, Пожилым мануе  
Гардет на ног, Качает головою

А кампанеет медтаем! устала  
Он ман блещет своею редкою медкою  
Мяго подарит призрачному чубуку  
Во старелом чубуке медтаем.

Он ей расскажет о сиреня вене,  
Кекае мед, когда пупило в Африку,  
Он ей сплет... Но сиреня дельфинь,  
Что ворабло сегодня быть на дне.

Ф. Кеурин.

W

Да, в такой мот Россия...

А. Блок.

x x  
x

Хотешь знать, что такое Россия —  
наша первая в жизни любовь?  
Милый друг! Это ребра косые  
Полосатых властелинских столбов.  
Это шепет в рябиновых горьком,  
Гор от резвых коней набегу,  
Это шлепает задыт зорька,  
Слез на сахарном синем синицу.  
Это пахарь с портов полынчатых,  
Ах, что воем вночи на луну,  
Это слезь нековских полынчаток,  
Посседевших в татарской плещу,  
Это горькие воли гармоник,  
Свет далёких кошаров ногных,  
Это — кашка, тамарка и зонник  
На тесных мотилах стальных.  
Это — эхо от тени усталой,  
Облаков перелетных тоска  
Это свист за далёкой заставой  
Да лутинка в окне кабака,  
Это кись в узелках коббранцев,  
Это туз, что нашит на плечо,  
Это дудка в руке самозванца,  
Это илетка, где тил пугачев.  
Да! страхе наша не была расм:  
Нас к земле иривизел тонтсел.  
Но конья мот се кошердел,  
Или шивси нитето не найдем!

1942г.